

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

С.В. Богданов, канд. ист. наук, доц. кафедры философии Губкинского института (филиала) ГОУ ВПО Московского государственного открытого университета*

САМОУБИЙСТВА В СССР И США В 1920-е гг.: ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАГЕДИЙ

В статье рассматриваются причины, динамика самоубийств среди населения СССР и США в 1920-е гг. Выявляется взаимосвязь между такими социальными факторами, как преступность, безработица, употребление алкоголя и уровень суицидальной активности в этих странах. Содержатся выводы об особенностях самоубийств в СССР и США в данный исторический период их развития.

Ключевые слова: самоубийство, преступность, алкоголь, безработица, социальные риски.

This article deals with the main reasons and course of suicide among the Soviet and the American population in 1920s. It draws up the relationship between such social factors as crime, unemployment, alcohol consumption as well as the level of suicidal activity in these two countries; analyses the features of suicide in the USSR and the USA during this historical period of development.

Key words: suicide, crime, alcohol, unemployment, social risks.

Самоубийство (суицид) — явление социальное. Практически всегда за трагедией отдельной личности, семьи скрывается целый комплекс проблем, которые множеством нитей соединяли личность добровольно ушедшего из жизни с социальной средой, с которой он или она решили порвать самым крайним способом. Поэтому истоки самоубийств в большинстве своем следует искать в глубинных пластах общественного бытия. В этой связи задача исследователя состоит в том, чтобы попытаться воссоздать внешнюю среду, которая в отдельные периоды исторического прошлого либо создавала множество препятствий на пути развития саморазрушительных тенденций, либо, напротив, превращала некоторые явления жизни общества в тяжело переносимые для отдельных личностей.

Целью настоящей статьи является выявление основных факторов воспроизводства самоубийств в СССР и США в 1920-е гг., сопоставление их динамики, факторов детерминации и национальных особенностей.

В качестве хронологических рамок исследования выбраны 1920-е гг. Выбор данного временного отрезка был продиктован на-

* Богданов Сергей Викторович — sy-bogdanov@mail.ru

личием и полнотой сведений о самоубийствах в СССР в сравнении с другими хронологическими периодами советской истории. Это создает возможность проведения сопоставимого анализа по соответствующим показателям с США.

В начале 1920-х гг. в Советском Союзе начала создаваться система сбора сведений о завершенных фактах и попытках суицида. В 1920-е гг. впервые в отечественной статистике был налажен систематический сбор сведений о самоубийствах через отделы ЗАГСа, в которых фиксировался каждый случай добровольного ухода из жизни. На каждый имевший место случай при регистрации смерти заполнялся листок особой учетной формы. В фонде Центрального статистического управления (ЦСУ) Российского государственного архива экономики (РГАЭ) сохранились материалы по организации суицидального учета¹.

Благодаря усилиям М.Н. Гернета при ЦСУ РСФСР был создан отдел моральной статистики, который проделал огромную работу по сбору и систематизации сведений о различных проявлениях социальных аномалий в стране. Детальному анализу были также подвергнуты самоубийства, что нашло свое отражение в двух опубликованных статистических сборниках — “Самоубийства в СССР. 1922—1925 гг.” и “Самоубийства в СССР в 1925 и 1926 гг.”².

В них была систематизирована статистика самоубийств по губерниям и крупным городам РСФСР, Украины, Закавказья, которая включала как традиционные для этой проблемы показатели (месяц, время суток, когда произошло самоубийство, способ его совершения, наиболее вероятная причина), так и общее демографические и социальные показатели (возраст суицидента, социальное, семейное положение, профессия, размеры заработка и пр.). Таким образом, самоубийство как одна из социальных патологий развития советского общества 1920-х гг. оказалось под пристальным вниманием криминологов, статистов, социологов, психиатров.

К началу 1920-х гг. в США уже сложилась очень мощная школа социальной статистики и был накоплен большой опыт сбора и систематизации сведений о самоубийствах. Начиная с 1890 г. Бюро цензов при Департаменте коммерции США ежегодно начало выпускать сборники под названием “Статистика смертности. Ежегодный отчет” и “Статистическое резюме по Соединенным Штатам”. В 1975 г. в США был выпущен довольно объемный труд “Историческая статистика США. От колониальных времен до 1970 г.”. В со-

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 1. Д. 261. Л. 5, 11, 28.

² Самоубийства в СССР. 1922—1925 гг. // Труды ЦСУ СССР. Отдел моральной статистики. М., 1927; Самоубийства в СССР в 1925 и 1926 гг. / ЦСУ СССР. Сектор социальной статистики. М., 1929.

ответствующих разделах этих статистических сборников представлены сведения о динамике смертности населения США по классам причин, в том числе и от самоубийств³.

Попытаемся соединить эти два пласта статистических сведений, характеризующих развитие суицидальной активности населения в данных странах в период относительной стабилизации в годы президентства К. Кулиджа в США и перехода к новой экономической политике в России.

НЭП принесла в жизнь советского обывателя множество перемен. Стремительными темпами возрождалось предпринимательство. С октября по декабрь 1921 г. частниками было выбрано 185 тыс. патентов, в первом полугодии 1922 г. — около 450 тыс. и во втором полугодии — 522 тыс. патентов⁴.

Только за два месяца 1921-го и 11 месяцев 1922 г. было сдано в аренду (по 30 губерниям) 3069 предприятий, а на 1 января 1923 г. — уже 4330 предприятий обрабатывающей промышленности, что составляло 15—16% от всей национализированной промышленности⁵. Большинство предприятий сдавалось в аренду на короткий срок: до двух лет — 45%, от двух до пяти лет — 38,4%⁶.

Бурное развитие предпринимательства с начала разрешения частно-хозяйственной деятельности привело к стремительному увеличению числа агентов несоциалистической экономики. К 1923 г. розничная торговля была в руках у государства лишь на 7%, у кооперации — на 10, а у частника на 83%⁷.

По сведениям известного партийного публициста Ю. Ларина, с 1921 до 1923 г. частные предприниматели увеличили свои средства на 350 млн руб.⁸

Переход советской России к НЭПу в начале 1921 г. имел самые серьезные последствия для всех сфер жизнедеятельности общества. Практически в одночасье страна сделала не шаг вперед к обещанному “светлому будущему” без частной собственности, “кулака-мироеда”, торговца-спекулянта и социального неравенства, а шаг назад. Неслучайно на протяжении всего периода существования нового экономического курса к нему было отчетливо выраженное негативное отношение самых различных слоев населения.

³ Mortality statistics. Annual report. 1922—1929; Statistical abstract of the United States. 1922—1929.

⁴ См.: *Крон Ц.М.* Частная торговля в СССР. М., 1926. С. 10.

⁵ См.: *Романов М.* Аренда национализированной промышленности // Экономическое обозрение. 1923. С. 11.

⁶ См.: *Брин И.Д.* Государственный капитализм в СССР в переходный период от капитализма социализму. Иркутск, 1959. С. 189.

⁷ См.: *Кондурушкин И.С.* Частный капитал перед советским судом. М.; Л., 1927. С. 211.

⁸ См.: *Ларин Ю.* Частный капитал в СССР. М., 1924.

Это, как правило, были те группы, которые не получили от НЭПа ощутимой выгоды, а, напротив, были поставлены в условия каждодневной борьбы за выживание.

Жизнь крупных городов стала чрезвычайно разнообразна и богата соблазнами и рисками. На смену аскетизму “военного коммунизма” пришли шумные рестораны, множество притонов с азартными играми, проституция, алкоголь, наркотики. Все это манило представителей самых различных слоев населения своей загадочностью, новизной.

К довольно типичным можно отнести эмоциональное высказывание рядового советского обывателя Сергея Голубятникова, выраженное им в письме к своей сестре: “Утомительная военная жизнь осталась в прошлом, многое было пережито в этой грозной, жестокой жизни, что приходится только сказать: так будь же вы прокляты, кровавые годы!”⁹

Но наряду с соблазнами советское общество столкнулось и с множеством социальных рисков. В 1920-е гг. опасность стать жертвой грабителей, хулиганов или вовсе быть убитым становилась все более реальной для множества горожан. Еще полтора-два года назад большевистскому режиму удалось решительными мерами загнать уголовную преступность в глубокое подполье. Например, вместо 2223 грабежей, 493 убийств и 26 007 мелких краж в Москве в 1918 г., по неполным данным за первую четверть 1919 г., было зафиксировано только 400 грабежей и 6768 краж, что указывает на значительное снижение тяжких преступлений, прежде всего фактов бандитизма¹⁰.

Курс на решительное искоренение преступности способствовал росту авторитета новой власти среди обычных граждан, истосковавшихся за годы затянувшейся социальной смуты по порядку, достатку и безопасности. Большевики, в отличие от их политических противников, не просто составляли планы на бумаге или оглашали их в виде пламенных призывов, а реализовывали их на практике.

Однако с начала 1920-х гг. советские города вновь стали будоражить слухи о дерзких ограблениях банковских учреждений, жестоких убийствах состоятельных горожан, сумевших спрятать свое добро от всевозможных конфискации в годы Гражданской войны.

В качестве подтверждения серьезной криминализации социальной повседневности в первой стране победившего социализма можно сослаться на структуру контингента осужденных в РСФСР в 1922—1924 гг. Так, серьезные преступления против личности в удельном весе от всего числа осужденных увеличились с 1,8%

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1235. Оп. 56. Д. 22. Л. 487.

¹⁰ Власть Советов. 1918. № 10. С. 28.

в 1922 г. до 4,9% в 1924 г., более мелкие преступления против личности — с 8% в 1922 г. до 13,2% в 1924 г., хулиганство — с 4,7% в 1922 г. до 7,9% в 1924 г.¹¹

Приметой повседневной жизни советских городов и сельской местности стало широкое распространение хулиганства. Анализируя как опубликованные, так и архивные документы государственных и партийных органов того времени, можно сделать вывод, что волна хулиганства буквально захлестнула страну. В секретном письме секретаря Иркутского губкома ВКП(б) Гриневича в ЦК, в котором был дан обзор политико-экономического развития губернии за 1924—1925 гг., сообщалось: “В деревне и городских поселках наблюдается громадное увеличение хулиганства, доходящего до драк, убийств, поножовщины”¹².

4 июня 1926 г. Информационный отдел ОГПУ представил В.М. Молотову докладную записку о росте хулиганства в Сибири. В ней сообщалось, что только за первые месяцы 1926 г. количество преступлений, квалифицируемых как хулиганство, выросло в сибирской деревне по сравнению с последним кварталом 1925 г. более чем на треть. Из общего числа привлеченных к ответственности за хулиганство около 30% составляли комсомольцы и коммунисты¹³.

Причин для массового распространения хулиганства в нэповской России было достаточно. Это последствия гигантских социально-экономических катаклизмов периода революций и гражданской войны, всеохватывающий морально-этический вакуум, широкое распространение правового нигилизма среди широких слоев населения, массовое распространение беспризорничества.

Социальные страхи советского обывателя 1920-х гг. оказались чрезвычайно устойчивыми и серьезно укоренившимися в глубинных пластах общественной психологии. Об этом свидетельствуют результаты перлюстрации частной корреспонденции, очень масштабно и методично осуществляемой в то время органами ВЧК—ОГПУ. К концу 1924 г. объемы перлюстрации достигли 5 млн писем и 8 млн телеграмм¹⁴.

Частная переписка значительного количества горожан, датированная 1924—1925 гг., свидетельствовала о том, что их пугала безработица, вызывала недовольство крайне низкая заработная плата и неспособность властей справиться с растущей уличной преступностью. Все это привносило нервозность, ощущение нестабильности в духовную атмосферу советского общества.

¹¹ См.: *Этрин А.Я.* Развитие советской уголовной политики. М., 1933. С. 227.

¹² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 67. Д. 193. Л. 71.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 169. Л. 140—141.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 306. Л. 188; Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИСПД СПб). Ф. 16. Оп. 5. Д. 5911—5916.

Жизнь крупных городов в 1920-е гг. характеризовалась серьезным усложнением социальных процессов, связанных с дифференциацией населения по уровню доходов, возникновением как слоя состоятельных людей — новой нэповской буржуазии (“совбуры”), — так и с увеличением числа людей социального дна — деклассированных элементов, проституток, беспризорников, безработных, преступных групп. Все это было мало понятно для тех, кто еще совсем недавно с оружием в руках на фронтах Гражданской войны защищал идеалы пролетарской революции, для кого пламенные призывы большевистских лидеров были непререкаемым руководством к действию и ответом на все вопросы жизни. Да и сам В.И. Ленин еще в 1919 г. убежденно заявлял, что “свобода торговли хлебом есть возврат к капитализму, к всевластию помещиков и капиталистов, к бешеной борьбе людей из-за наживы, к свободному обогащению немногих, к нищете масс, к вечной кабале их”¹⁵. Хотел того или нет лидер большевиков, но дальнейшее углубление НЭПа в стране развивалось по вышеизложенному им же сценарию.

Такой оказалась диалектика социальной повседневности в СССР в 1920-е гг. Столь причудливое сочетание противоречивых начал способствовало значительному изменению ситуации с суицидальной активностью населения в стране.

Первая мировая война, события февраля и октября 1917 г., Гражданская война привели к мощнейшим сдвигам в области массовой и индивидуальной психологии. По сведениям Н.Б. Лебиной, в 1910 г. в Петербурге было зафиксировано 30,1 случая суицида на 100 тыс. населения столицы империи, а в самый разгар Гражданской войны, в 1919 г., — 23,7¹⁶.

Естественно, сбор и обработка статистических сведений о покушениях на самоубийства и законченных самоубийствах в 1917—1920 гг. в России были крайне затруднены. Тем не менее даже из тех эпизодических сведений можно сделать вывод о том, что, как и прежде, в печальном списке добровольных смертей первенство принадлежало крупным столичным центрам — Петрограду и Москве¹⁷.

С переходом к мирной жизни ситуация с суицидальной активностью в советском обществе начала стремительно меняться. Сопоставим ситуацию с динамикой зарегистрированных самоубийств в СССР и США в 1923—1926 гг. (табл. 1)¹⁸.

¹⁵ Ленин В.И. О свободной торговле хлебом / Полн. собр. соч. Т. 39. С. 170.

¹⁶ См.: Лебина Н.Б. Теневые стороны жизни советского города 20—30-х годов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 35.

¹⁷ Самоубийства в СССР. 1922—1925. С. 13.

¹⁸ Таблица составлена на основании работ: Самоубийства в СССР в 1925 и 1926 гг. М., 1929. С. 8; Historical statistics of the United States. Colonial times to 1970. Part 1. Bicentennial edition // Department of Commerce. Bureau of the census. Washington, 1975. P. 58, 414; Mortality statistics. 1923. Twenty-fourth annual report / Department of commerce. Bureau of the census. Washington, 1926. P. 19.

Самоубийства в СССР и США в 1923—1926 гг.

Показатель	СССР				США			
	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Всего зарегистрировано самоубийств	4010	4681	5846	5934	11 287	11 846	12 209	13 082
Общий уровень на 100 тыс. населения	4,4	5,1	6,3	6,4	11,6	11,9	12,0	12,6

Из таблицы видно, что ситуация с самоубийствами в СССР в середине 1920-х гг. оказалась менее напряженной, нежели в США. И тем не менее темпы прироста числа законченных самоубийств в СССР в расчете на 100 тыс. населения оказались выше в сравнении с аналогичным показателем в Соединенных Штатах.

В целом на протяжении 1920-х гг. суицидальная активность населения в США характеризовалась относительной “стабильностью”. Так, уровень законченных самоубийств на 100 тыс. населения этой страны в 1921 г. составил 12,4 случая, в 1922 г. — 11,7, в 1923 г. — 11,6, в 1924 г. — 11,9, в 1925 г. — 12,0, в 1926 г. — 12,6, в 1927 г. — 13,2, в 1928 г. — 13,5¹⁹.

Характеризуя уровень самоубийств в США с начала XX столетия, следует обратить внимание на следующую динамику. В 1900 г. в этой стране в пересчете на 100 тыс. населения было совершено 11,5 самоубийства, в 1910 г. — 16, в 1920 г. — 10,2²⁰. За исключением реакции на волнообразные кризисные явления в экономике США (1910), показатели смертности от самоубийств на протяжении этих двух десятилетий не имели тенденций ни к значительному снижению, ни к повышению.

Таким образом, число законченных самоубийств, совершенных американцами с 1921 по 1928 г., увеличилось на 10,8%. Примечательно то, что по мере приближения к Великой депрессии количество самоубийств в США начало постепенно увеличиваться. Первый год беспрецедентного экономического шока для Америки был отмечен резким скачком самоубийств. В 1930 г. было зарегистрировано 18 323 смерти от самоубийств, что на 6114 случаев больше, нежели в 1925 г.

¹⁹ Historical statistics of the United States. Colonial times to 1970. Part 1. Bicentennial edition. P. 58.

²⁰ Statistical abstract of the United States. 1930. Fifty-second number / U.S. Department of commerce. Bureau of foreign and domestic commerce. Washington, 1930. P. 82.

Наряду с самоубийствами в североамериканских городах наблюдался и постоянный рост преступности. С начала XX столетия полицейские органы США фиксировали постоянное увеличение количества убийств. Так, если в 1900 г. в 31 исследуемом городе в различных штатах было зарегистрировано 609 убийств, в 1910 г. — 1365, то в 1920 г. — 1756²¹. На протяжении 1920-х гг. криминализация жизни американских городов продолжала прогрессировать. Об этом свидетельствовала полицейская статистика. В 1921 г. среди городского населения от убийств погибло 2108 человек, в 1922 г. — 2211, в 1923 г. — 2435, в 1924 г. — 2682, в 1925 г. — 2808, в 1926 г. — 2715, в 1927 г. — 2771, в 1928 г. — 2748²².

Итак, и в Советском Союзе, и в США в 1920-е гг. наблюдался рост уголовной преступности. Американские специалисты по проблемам социологии преступности Д. Арчер и Р. Гартнер проанализировали статистические данные об уголовной преступности и убийствах по 110 странам в хронологический отрезок с 1900 г. По их мнению, существует ярко выраженная зависимость между войнами и стремительным ростом насильственной преступности. При этом данная тенденция прослеживается как среди стран-победителей, так и среди побежденных²³.

Преступность стала мощным фактором подпитки социальных страхов в обществе. Вряд ли она напрямую провоцировала суицидальную активность и в советском и в американском обществах, но она множеством опосредованных связей делала жизнь простого горожанина некомфортной, отчужденной, а иногда и опасной.

В США на протяжении 1920-х гг. отчетливо прослеживалось преобладание мужских самоубийств над женскими. Так, в 1921 г. из 10 906 добровольно ушедших из жизни 8430 выпало на долю мужчин и 2476 — на долю женщин. В 1922 г. эти показатели составили 8229 мужчин и 2617 женщин; в 1923 г. — здесь и далее соответственно 8344 и 2752; в 1924 г. — 9100 и 2746; в 1925 г. — 9297 и 2912; в 1926 г. — 9894 и 3188; в 1927 г. — 10 831 и 3265; в 1928 г. — 11 905 и 3485; в 1929 г. — 12 305 и 3740²⁴.

В СССР мужчин среди суицидентов также оказалось значительно больше, нежели женщин. Например, в Москве и Ленинграде в середине 1920-х гг. практически во всех возрастных группах мужчин-самоубийц оказалось больше, чем женщин, совершивших

²¹ Statistical abstract of the United States. 1922. Forty-fifth number / U.S. Department of commerce. Bureau of foreign and domestic commerce. Washington, 1923. P. 81.

²² Statistical abstract of the United States. 1930. Fifty-second number / U.S. Department of commerce. Bureau of foreign and domestic commerce. P. 90.

²³ Archer D., Gartner R. Violence and crime in cross-national perspective. New Haven, 1984—1987.

²⁴ Historical statistics of the United States. Colonial times to 1970. Part 1. Bicentennial edition / Department of commerce. Bureau of the census. P. 414.

суицид. Исключение составили только возрастные группы 16—17, 18—19 лет и 20—24 года, в которых обнаруживалось преобладание женских самоубийств над мужскими. В большинстве случаев основным мотивом добровольного ухода из жизни у девушек являлась остро переживаемые события романтического характера — безответная влюбленность, внезапный разрыв с объектом любовных отношений.

Итак, и в СССР и в США в 1920-е гг. в общем количестве преждевременно ушедших из жизни по собственной воле мужчин оказалось значительно больше, чем женщин. Такая отчетливо выраженная гендерная асимметрия самоубийств объясняется традиционным распределением социальных ролей мужчин и женщин в обществе. Мужчины острее реагировали на потерю работы и возможность утраты привычного имущественного положения.

Позднее на Западе будут проведены многочисленные исследования о взаимосвязи самоубийств и безработицы, которые выявят большее воздействие факта потери работы на провоцирование суицидальной реакции у отдельных мужчин в сравнении с женщинами, лишившимися работы²⁵.

Проведение сравнительного анализа суицидальной мотивации в двух странах затруднено наличием не совсем полных сведений по СССР и отсутствием таковых по США в данный хронологический период. Отечественный исследователь 1920-х гг. Е. Тарновский указывал на наименьшую достоверность и наименьшую полноту сведений о мотивах из всех статистических данных по суицидам²⁶.

В СССР и США сходной чертой самоубийств стала особая предрасположенность к данной социальной аномалии городского населения. Как и прежде, быстрее росло число самоубийств в столицах. Уровень завершенных самоубийств в Петрограде (Ленинграде) и Москве оказался “рекордным” в сравнении с другими городами. Так, в Петрограде (Ленинграде) смертность от самоубийств в пересчете на 100 тыс. населения демонстрировала следующие показатели: в 1923 г. — 32,6 человека, в 1924 г. — 32,1, в 1925 г. — 34,4, в 1926 г. — 35,9. В Москве эти показатели составили: в 1923 г. — 23 самоубийства на 100 тыс. жителей города, в 1924 г. — 33,7, в 1925 г. — 17,5, в 1926 г. — 25,8²⁷.

²⁵ *Blakely T.A., Collings S.C.D., Atkinson J.* Unemployment and suicide. Evidence for a causal association? // *Epidemiol community health.* 2003. N 57. P. 594—600; *Jones S., Forster D., Hassanyeh F.* The role of unemployment in parasuicide // *Psychol. Med.* 1991. N 21. P. 169—76; *Seatrains A., Joyce P., Molder R.* Unemployment and serious suicide attempts // *Psychol. Med.* 1998. N 28. P. 209—218.

²⁶ См.: *Тарновский Е.* Сведения о самоубийствах в Западной Европе и в РСФСР за последнее десятилетие // *Проблемы преступности.* М.; Л., 1926. Вып. 1. С. 209.

²⁷ Самоубийства в СССР. 1922—1925. С. 13; *Бруханский Н.П.* Самоубийцы. Л., 1927. С. 15; Самоубийства в СССР в 1925 и 1926 гг. С. 8.

В Америке динамика законченных самоубийств среди населения городов, в которых проживало свыше 100 тыс. человек, выглядела следующим образом: в 1923 г. было совершено 3692 самоубийства (15,3 случая на 100 тыс. жителей), в 1924 г. — 3855 (15,7), в 1925 г. — 4000 (16,0), в 1926 г. — 4264 (16,8) соответственно²⁸.

В отношении способов добровольного ухода из жизни в США в 1920-е гг. прослеживались следующие тенденции. Среди основных способов самоубийств статистика зафиксировала четыре вида — отравление, повешение, самоубийства, совершенные при помощи огнестрельного оружия и др. Чаще всего для сведения счетов с жизнью в этот период американцы использовали огнестрельное оружие и взрывчатые вещества. В 1921 г. таким способом ушли из жизни 4015 человек (36,8% от общего количества зарегистрированных самоубийств), в 1922 г. — 3831 (35,1), в 1923 г. — 3825 (34,5), в 1924 г. — 4197 (35,4), в 1925 г. — 4209 (34,4), в 1926 г. — 4469 (34,1), в 1927 г. — 4864 (34,5), в 1928 г. — 5366 (34,8), в 1929 г. — 5565 (34,7%). Следом по числу (и доле среди всех самоубийств) за самоубийствами с помощью огнестрельного оружия идут самоубийства с помощью отравления. На протяжении 1920-х гг. этим способом ушли из жизни 3045 американцев в 1921 г. до 5074 в 1929 г. Реже американцы заканчивали жизнь самоубийством при помощи повешения²⁹.

В СССР в 1926 г. среди способов добровольного ухода из жизни первое место занимало повешение — 49,7%, далее следовали самоубийства с помощью: огнестрельного оружия — 23,9%, отравления — 14,6, утопления — 4, холодного оружия и путем попадания под транспорт — по 3, падения с высоты — 0,5, иные способы самоубийств — 2%³⁰.

Таким образом, уровень самоубийств в США в 1920-е гг. оказался выше, нежели в СССР, как по общему количеству зарегистрированных случаев добровольного ухода из жизни, так и по общему уровню в расчете на 100 тыс. населения.

В целом развитие ситуации с самоубийствами в СССР не оставляло сомнений в том, что в стране возникла принципиально иная социокультурная среда, характеризовавшаяся множеством новых явлений, воспринять или преодолеть которые для определенного числа граждан оказалось чрезвычайно сложно, а подчас просто невозможно.

²⁸ Statistical abstract of the United States. 1930. Fifty-second number / U.S. Department of commerce. Bureau of foreign and domestic commerce. P. 90.

²⁹ Historical statistics of the United States. Colonial times to 1970. Part 1. Bicentennial edition / Department of commerce. Bureau of the census. P. 414.

³⁰ Самоубийства в СССР в 1925 и 1926 годах. С. 39.

Одним из таких “приобретений” НЭПа стала безработица. В табл. 2 приведены сведения о развитии безработицы в США и России в 1921—1929 гг.³¹

Таблица 2

Безработица в США и РСФСР—СССР в 1921—1929 гг.

Год	Количество зарегистрированных безработных в США, тыс. человек	Количество зарегистрированных безработных в РСФСР—СССР, тыс. человек
1921	4918	420,0
1922	5859	641,0
1923	1049	630,0
1924	2190	1240
1925	1453	992,9
1926	801	1070
1927	1519	1310
1928	1982	1352
1929	1550	1616

Процесс развития безработицы в США в 1920-е гг. может быть охарактеризован как волнообразный. За это десятилетие наибольшее количество безработных было зарегистрировано в 1921 г. (4 млн 918 тыс.) и на рубеже 1929—1930 гг. — 4 млн 340 тыс. человек. В течение этого десятилетия также фиксировались периоды спада безработицы — 1923 и 1926 гг. Таким образом, американский рынок труда реагировал на колебания спроса и предложения на рабочую силу в условиях относительной стабилизации экономики страны в довольно прогнозируемых параметрах.

Ситуация с безработицей в СССР в годы НЭПа развивалась по неблагоприятному для властей сценарию. Рост заработной платы в промышленности на протяжении второй половины 1921-го — начала 1922 г. способствовал притоку рабочей силы на городской рынок труда. За короткий промежуток времени былой дефицит рабочей силы сменился ее избытком. Уже к августу 1921 г. количество вакантных рабочих мест вплотную приблизились к числу ищущих работу. К концу осени 1921 г. и первым месяцам зимы 1922 г.

³¹ Historical statistics of the United States. Colonial times to 1970. Part 1. Bicentennial edition / Department of commerce. Bureau of the census. P. 185; ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 5. Д. 519. Л. 25; *Ледяев Д.* Безработица в СССР и борьба с ней (1917—1927 гг.) // Вопросы труда. 1927. № 10. С. 109; ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 1. Д. 169. Л. 113—114; Труд в СССР: Справочник 1926—1930 гг. М., 1930. С. 36.

началось неуклонное снижение потребности предприятий в дополнительных кадрах³².

По данным только 52 губернских городов, количество безработных в течение 1922 г. со 160 тыс. человек в начале года возросло до 641 тыс. человек к концу года³³.

К началу 1923 г. в Советском Союзе без работы оказалось 625 тыс. человек, среди них 30% служащих, 19 — чернорабочих, 12% квалифицированных рабочих. На каждые 100 человек, оказавшихся без работы, в среднем приходилось только 29 рабочих мест. Период безработицы составлял около трех месяцев³⁴.

XIII съезд РКП(б), состоявшийся 23—31 мая 1924 г., вынужден был констатировать: “В городе вместе с подъемом госпромышленности развивается безработица, особенно тяжело бьющая по рабочей молодежи”³⁵.

На протяжении всей второй половины 1920-х гг. партийные и государственные органы в своих документах, анализируя социально-экономическое развитие страны, постоянно отмечают рост безработицы: на 1 апреля 1925 г. было зарегистрировано безработных 992,9 тыс. человек, на 1 апреля 1926 г. их было уже 1 182 500 человек. Таким образом, прирост количества безработных составил 19,1%³⁶.

Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) (29 июля — 9 августа 1927 г.) вновь констатировал значительное число безработных, преимущественно среди неквалифицированных рабочих, совторгслужащих. При этом было обращено внимание на возникновение серьезных диспропорций на рынке труда: одновременный рост численности рабочих, занятых в государственном секторе, недостаток целого ряда категорий квалифицированных рабочих по отдельным отраслям промышленности и в то же время возрастающую резервную армию труда, не находившую себе применения в народном хозяйстве³⁷.

По сведениям НКТ СССР, в 1925—1926 гг. получили работу 1 млн 943 тыс. человек, в 1927—1928 гг. — 4 млн 841 тыс., т.е. за три года потребность советской экономики в рабочей силе возросла почти в 2,5 раза³⁸.

³² ГА РФ. Ф. 382. Оп. 4. Д. 421. Л. 261; Ф. 5451. Оп. 6. Д. 308. Л. 54.

³³ См.: *Ледяев Д.* Указ. соч. С. 109.

³⁴ См.: *Заславский И.* Занятость и рынок труда при НЭПе // Социалистический труд. 1989. № 10. С. 89.

³⁵ XIII съезд РКП(б). Москва, 23—31 мая 1924 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 3. С. 112.

³⁶ XV конференция ВКП(б). Москва, 26 октября — 3 ноября 1926 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. С. 395.

³⁷ Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). Москва, 29 июля — 9 августа 1927 г. // Правда. 1927. 10, 11 авг.

³⁸ ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 15. Д. 39. Л. 51.

Тем не менее на 1 октября 1928 г. на учете бирж труда страны состояло впервые предлагавших труд 341,3 тыс. человек (24,8%), неквалифицированных рабочих 345,6 тыс. (21,5), служащих 228,6 тыс. (16,6), представителей индустриальной группы 209,2 тыс. (15,2), строителей 83,8 тыс. человек (6,1%)³⁹.

Итак, на протяжении всего периода существования НЭПа безработица стала одной из серьезнейших проблем советского общества, порождая множество социальных страхов у советского обывателя. Безработица не только приносила материальные лишения, но и оказывала удручающее воздействие и на морально-психологическое состояние достаточно широких слоев населения. Можно предположить, что рост самоубийств находился в тесной зависимости от количества безработных. Так, например, в Москве число самоубийств в 1922 г. увеличилось по сравнению с 1921 г. на 24%. Неувереннее всего в новой экономической обстановке чувствовали себя мужчины, среди которых число самоубийств за этот же период времени увеличилось на 56%⁴⁰.

При анализе динамики самоубийств в СССР обращает на себя внимание еще одна особенность. Своеобразный “толчок” к увеличению количества самоубийств был дан в 1924—1925 гг. Если в 1924 г. в СССР было зафиксировано 4681 самоубийство, что на 670 случаев оказалось больше, чем в 1923 г., то в 1925 г. прирост составил 1169 самоубийств по отношению к 1924 г. Безусловно, резкий рост самоубийств был спровоцирован снятием государством ограничений с продажи спиртных напитков крепостью свыше 40 градусов. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 28 августа 1925 г. была введена государственная монополия на изготовление и продажу водки. В продажу выпускались сорокаградусная водка, коньяки и ликеры крепостью до 60 градусов⁴¹.

Дальнейшие события показали, что кривая алкоголизации населения в СССР неуклонно ползла вверх. На протяжении 1920-х гг. население СССР вернулось к дореволюционным нормам потребления спиртного. На протяжении всего периода существования НЭПа в результате действия комплекса причин наблюдался постоянно прогрессирующий рост потребления спиртного. Так, если принять расход рабочей семьи на спиртные напитки в 1922 г. за 100%, то в 1923 г. он составил 166,7%, в 1924 г. — 466,7, в 1925 г. — 1222,3, в 1926 г. — 1344,5, а в 1927 г. — 1760,0%⁴².

³⁹ Там же. Л. 58.

⁴⁰ Ежемесячный статистический бюллетень по г. Москве и Московской губернии. М., 1921—1922. С. 5—6, 12.

⁴¹ Положение о производстве спирта и спиртных напитков и торговле ими. 28 августа 1925 г. // СЗ СССР. 1925. Отд. 1. № 57. С. 795—797.

⁴² Бюджеты рабочих и служащих. М., 1929. Вып. 1. С. 28.

“Окончился пятилетний отдых работников, когда они видели своего мужа вполне сознательным. Теперь опять начинается кошмар в семье. Опять началось пьянство”, — писала в редакцию “Петроградской правды” группа работниц Московско-Нарвского района⁴³.

Свидетельством серьезной алкоголизации населения в 1920-е гг. являются данные наркологических диспансеров. После снятия ограничений со свободной продажи водки кривая больных алкоголизмом резко поползла вверх. Так, по данным Наркомздрава РСФСР, абсолютное число лечившихся в больницах республики алкоголиков-мужчин увеличилось с 549 в 1922 г. до 9 с лишним тысяч в 1927 г., женщин — более чем в 6 раз. Если в 1924 г. в московские наркодиспансеры обратилось 2124 больных, то в 1928 г. таковых оказалось уже 16 836 человек⁴⁴. Стремительная алкоголизация населения в СССР с середины 1920-х гг. способствовала активизации суицидальной активности в стране.

Последствия введения и действия “сухого закона” в США (1920—1933) показали положительную динамику по таким показателям, как снижение уровня преступности, психических заболеваний, смертности от заболеваний, непосредственно связанных с алкоголизмом. Однако эффект от запрета производства спиртных напитков оказался недолговременным. Несмотря на то что начиная с 1920 г. началось значительное снижение потребления алкоголя на душу населения в стране, уже в 1922 г. начинается рост потребления спиртных напитков, а с 1923 г. страна вернется к потреблению алкоголя на уровне “мокрого” 1918 г.⁴⁵

Однако суицидальная активность американцев не претерпела серьезных изменений ни в сторону резкого роста, ни в сторону значительного снижения. Американское общество в 1920-е гг. столкнулось с тотальным запретом производства алкоголя, в то время как в СССР правящая элита с начала 1920-х гг. начинает постепенно ослаблять свою крайне жесткую позицию в отношении спиртных напитков. Если в США ограничение внутреннего потребления легального алкоголя сокращается, хотя и будет в определенной мере компенсировано нелегальным спиртом, то в СССР наблюдается постоянный рост объемов потребления как государственного алкоголя, так и продукции домашней выгонки — самогона. Если в США динамика потребления алкоголя слабо коррелировала с численностью законченных суицидов, то в нэповской России такая связь была вполне очевидна.

⁴³ Петроградская правда. 1922. 22 сент.

⁴⁴ См.: Шоломович А.С. Отчет о диспансерной борьбе с наркотизмом в Москве // Вопросы наркологии. 1926. Вып. 1. С. 71—86.

⁴⁵ Warburton C. The economic results of prohibition. N.Y., 1932. P. 23—26, 72.

Знаменитый российский психиатр В. Бехтерев в статье “О причинах самоубийств и возможной борьбе с ними”, вышедшей в Санкт-Петербурге в 1912 г., выделил следующие условия, способствующие самоубийствам: быстрое изменение привычных условий жизни в худшую сторону; большая миграция населения из сельской местности в города; алкоголизм; разочарование в обществе; доступность орудий суицида; наследственность; душевная болезнь; потери близких; острые противоречия во взглядах и потребностях в семье между супругами, старшими и младшими членами семьи⁴⁶.

Эти причины роста самоубийств в полной мере можно отнести и к американской действительности 1920-х гг.

Итак, обобщим сказанное выше.

Стремительная ломка традиционного патриархального уклада жизни, осуществлявшаяся в России с начала XX столетия, значительный рост маргинализированных слоев прежде всего среди городского населения привели к увеличению числа самоубийств. Они выступали крайней формой решения жизненных проблем, среди которых определенную роль сыграли неудовлетворенность имущественным положением и собственным социальным статусом, личностная неспособность найти свое место в быстро меняющейся общественной среде.

Общим и для США и для СССР явилось преобладание числа самоубийств в городах над числом самоубийств в сельской местности. Еще одной схожей чертой в обеих странах явилось преобладание числа добровольно ушедших из жизни мужчин над числом добровольно ушедших из жизни женщин.

Еще одним социально-экономическим фактором, способствовавшим активизации суицидальной активности населения в рассмотренных странах, являлась безработица. Безработица и связанные с ней материальная нужда, бытовая неустроенность, неуверенность в завтрашнем дне, неприятие окружающей действительности, разительно отличавшейся от насильственно насаждаемой “уровнительной бедности” времен “военного коммунизма”, способствовали резкому всплеску самоубийств в Советском Союзе.

Соединенные Штаты после 1923 г. демонстрировали устойчивый экономический рост, который не был равномерным абсолютно во всех отраслях экономики (к тому же при фактическом невмешательстве государства в нее). Это вызывало эпизодические вспышки безработицы и на протяжении периода экономического процветания. В целом безработица для Америки стала уже институциональным фактором.

⁴⁶ См.: *Бехтерев В.* О причинах самоубийств и возможной борьбе с ними // Вестник знаний. 1912. № 2, 3.

Что касается США, то на протяжении 1920-х гг. национальная статистика фиксировала относительную стабильность в том, что касается самоубийств, без резких рывков. При этом нужно брать во внимание, что если в США уровень самоубийств в 1920-е гг. был практически таким же, как 20 и 10 лет назад, то число самоубийств в СССР периода НЭПа значительно выросло по сравнению с дореволюционным периодом. Очевидно, что подобные выводы были неприемлемы для большевистского режима. Здесь следует акцентировать внимание на большом количестве самоубийств среди низовых партийных работников, которые в середине 1920-х гг. в отдельных партийных организациях стали чуть ли не эпидемией. Безусловно, это не было случайным явлением. Рядовые партийцы в условиях серьезных и все более углубляющихся противоречий НЭПа оказались практически один на один с собственными социально-экономическими проблемами, необходимостью выживания. Многие простые коммунисты оказались неспособны преодолеть острый внутренний морально-психологический кризис и смириться с окружающей действительностью.

Эти обстоятельства сыграли свою роль в изменении реакции партийно-государственной элиты СССР на самоубийства. Если в начале 1920-х гг. правящая партия вполне терпимо относилась к самому факту суицида, то уже начиная с середины 1920-х гг. политическое руководство страны стало решительно осуждать добровольный уход из жизни. Более того, самоубийцы стали причисляться к “идейно чуждым элементам”, “врагам революции” со всеми вытекающими из этого последствиями для родных и близких суицидента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бехтерев В. О причинах самоубийств и возможной борьбе с ними // Вестник знаний. 1912. № 2, 3.

Брин И.Д. Государственный капитализм в СССР в переходный период от капитализма социализму. Иркутск, 1959.

Бруханский Н.П. Самоубийцы. Л., 1927.

Бюджеты рабочих и служащих. М., 1929. Вып. 1.

Власть Советов. 1918. № 10.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 382. Оп. 4. Д. 421. Л. 261; Ф. 1235. Оп. 56. Д. 22. Л. 487; Ф. 5451. Оп. 5. Д. 519. Л. 25; Оп. 6. Д. 308. Л. 54; Ф. 5515. Оп. 1. Д. 169. Л. 113—114; Оп. 15. Д. 39. Л. 51.

Ежемесячный статистический бюллетень по г. Москве и Московской губернии. М., 1921—1922.

Заславский И. Занятость и рынок труда при НЭПе // Социалистический труд. 1989. № 10.

Кондурушкин И.С. Частный капитал перед советским судом. М.; Л., 1927.

Крон Ц.М. Частная торговля в СССР. М., 1926.

Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М., 1924.

- Лебина Н.Б.* Теневые стороны жизни советского города 20—30-х годов // Вопросы истории. 1994. № 2.
- Ледяев Д.* Безработица в СССР и борьба с ней (1917—1927 гг.) // Вопросы труда. 1927. № 10.
- Ленин В.И.* О свободной торговле хлебом // Полн. собр. соч. Т. 39.
- Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). Москва, 29 июля — 9 августа 1927 г. // Правда. 1927. 10, 11 авг.
- Петроградская правда. 1922. 22 сент.
- Положение о производстве спирта и спиртных напитков и торговле ими. 28 августа 1925 г. // СЗ СССР. 1925. Отд. 1. № 57.
- XV конференция ВКП(б). Москва, 26 октября — 3 ноября 1926 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 3.
- Романов М.* Аренда национализированной промышленности // Экономическое обозрение. 1923.
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 67. Д. 193. Л. 71; Оп. 85. Д. 169. Л. 140—141; Ф. 76. Оп. 3. Д. 306. Л. 188.
- Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 1. Д. 261. Л. 5, 11, 28.
- Самоубийства в СССР. 1922—1925 // Труды ЦСУ СССР. Отдел моральной статистики. М., 1927.
- Самоубийства в СССР в 1925 и 1926 гг. / ЦСУ СССР. Сектор социальной статистики. М., 1929.
- Тарновский Е.* Сведения о самоубийствах в Западной Европе и в РСФСР за последнее десятилетие // Проблемы преступности. М.; Л., 1926. Вып. 1.
- XIII съезд РКП(б). Москва, 23—31 мая 1924 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 3.
- Труд в СССР. Справочник 1926—1930 гг. М., 1930.
- Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИСПД СПб). Ф. 16. Оп. 5. Д. 5911—5916.
- Шоломович А.С.* Отчет о диспансерной борьбе с наркотизмом в Москве // Вопросы наркологии. М., 1926. Вып. 1.
- Эстрин А.Я.* Развитие советской уголовной политики. М., 1933.
- Archer D., Gartner R.* Violence and crime in cross-national perspective. New Haven, 1984—1987.
- Blakely T.A., Collings S.C.D., Atkinson J.* Unemployment and suicide. Evidence for a causal association? // Epidemiol Community Health. 2003. N 57.
- Historical statistics of the United States. Colonial times to 1970. Part 1. Bicentennial edition / Department of commerce. Bureau of the census. Washington, 1975.
- Jones S., Forster D., Hassanyeh F.* The role of unemployment in parasuicide // Psychol. Med. 1991. N 21.
- Mortality statistics. 1923. Twenty-fourth Annual Report / Department of commerce. Bureau of the census. Washington, 1926.
- Seatrains A., Joyce P., Molder R.* Unemployment and serious suicide attempts // Psychol. Med. 1998. N 28.
- Statistical abstract of the United States. 1922. Forty-fifth number / U.S. Department of commerce. Bureau of foreign and domestic commerce. Washington, 1923.
- Statistical abstract of the United States. 1930. Fifty-second number / U.S. Department of commerce. Bureau of foreign and domestic commerce. Washington, 1930.
- Warburton C.* The economic results of prohibition. N.Y., 1932.